

Ленц Иосиф

История Второго Интернационала

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И75

И75 **Иосиф Л.**
История Второго Интернационала / Ленц Иосиф – М.: Книга по Требованию, 2024. –
301 с.

ISBN 978-5-519-93073-4

ISBN 978-5-519-93073-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

I. ВОЗНИК ЛИ II ИНТЕРНАЦИОНАЛ КАК РЕФОРМИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

Когда в 1889 г. на парижском конгрессе решено было создать II Интернационал, в истории западно-европейского рабочего движения намечался определенный перелом. 1871 г. — год победы Германии над Францией, год победы французской буржуазии над французским пролетариатом, врезался глубокой бороздой в историю человечества. Для Западной Европы кончился период демократических революций и национально-объединительных движений. Не снизу, не в боях с феодализмом, объединилась Германия. Она была объединена прусским юнкерством в союзе с крупной буржуазией, была объединена при помощи войны, была объединена штыками, которыми командовал прусский помещик. В Италии национальное движение, поднявшее свой флаг как движение революционное, закончилось победой савойской династии. Место мелкобуржуазных революционеров, Маццини и Гарибальди, занял Криспи, не менее чем Бисмарк характерный для периода реакции, начавшейся в Европе. Во Франции Коммуна появилась как начало или, точнее говоря, предсказание грядущей эпохи новых пролетарских революций. Коммуна вызвала глубочайший ужас в рядах международной буржуазии, указывая на опасность, угрожающую ей, если она позволит пролетариату развернуть свои силы. Поэтому Парижская Коммуна послужила сигналом к преследованиям рабочего класса не только во Франции, где к тысячам жертв, оставшимся на улицах Парижа, прибавились тысячи посланных на медленную смерть в самые гнилые французские колонии.

В странах, в которых рабочий класс не имел никаких политических прав, как в Австрии или в Италии, сразу начинается полоса преследований рабочих союзов, только что возникавшей рабочей печати. В Германии, где в виду существования мелкобуржуазного сепаратизма для прикрытия господства прусского штыка надо было дать народным массам избирательные права, Бисмарк шаг за шагом усиливает преследование рабочего движения, пока в 1878 г., использовав покушение на императора, не объявляет социал-демократию вне закона. Таким образом, завершение буржуазно-революционной эпохи в Западной Европе начинается с глубокой реакции против того класса, историческая роль которого состояла в приближении эпохи новых революционных потрясений, эпохи пролетарской революции.

Но полтора десятка лет, последовавших после 1871 г., показали невозможность развития капиталистического общества без предоставления известных прав пролетарским массам. Несмотря на ползучую депрессию, которую переживает капиталистическая Европа после краха 1873 г., капитализм развивается, растет количество фабрик, растет количество рабочих, занятых на этих фабриках. Пролетариат, пользуясь избирательным правом, в Германии вырывается беспрерывно из подполья, в которое его пытаются загнать господствующие классы. Передовая часть его несмотря на все запретительные законы объединяется вокруг знамен социал-демократии, создает сеть полулегальных организаций, позволяющих подпольным кружкам охватить значительные массы и подчинить их влиянию социалистической мысли. В Австрии, не имея никаких политических прав и не будучи в состоянии показать на выборах растущим количеством голосов господствующим классам, что с ними справиться посредством тюрьмы нельзя, рабочие все-таки расширением сети социалистических организаций демонстрируют ту простую истину, что где возникает и развивается капитализм, там должен расти и его спутник — пролетариат, вырабатывающий свою классовую сознательность. Во Франции возникают несмотря на все запреты профессиональные союзы, поднимает голову социалисти-

ческая пропаганда, и, пользуясь тем, что, утопив пролетариат в крови, буржуазия не считала нужным отнять у него выборные права, возникает социалистическое движение, выступает открыто, требуя возвращения пленников версальской буржуазии, требуя прав организации для пролетариата. Даже в Англии, где со времени гибели чартистского движения не существовало открытых социалистических организаций, они возникают в форме полуинтеллигентской, полурабочей социал-демократической федерации, еще довольно оторванной от масс, но уже своим возникновением сигнализирующей тот исторический факт, что либерализм перестает удовлетворять идейные запросы наиболее отзывчивых представителей пролетариата.

Это начало пробуждения пролетариата, начало его организации, ставит сразу на очередь дня вопрос о его международной связи, его международной организации. I Интернационал бросил во всех странах в массы идею международной организации пролетариата, создал кадры рабочих, стремящихся к международной организации. I Интернационал погиб оттого, что с завершением периода буржуазных революций, с возникновением во всей Западной Европе национальных государств перед рабочими партиями возникла задача приспособления действий к своей национальной базе, необходимость использования всех прав, предоставленных пролетариату его буржуазией, необходимость борьбы за новые права, что в совокупности отодвигало на задний план те общие пропагандистские цели, которым служил I Интернационал. Но с момента, когда приспособление социалистических рабочих к новым условиям деятельности дало известные результаты, с момента, когда рабочие в своих стремлениях к завоеванию лучших условий жизни натолкнулись на указания своей буржуазии, что условия труда у соседей и конкурентов еще хуже, что поэтому нельзя идти на дальнейшие уступки, пока другие страны не пойдут дальше по пути социальной реформы, — перед социалистическими организациями встает вопрос о международной связи.

Так рождается II Интернационал. Укрепленный развитием капитализма, пролетариат, собирая все свои ряды, используя

жалкие права, предоставленные ему буржуазией, ставит вопрос о том, что же дальше, приходит к убеждению о необходимости организации не только в рамках буржуазных государств, но и в международных масштабах.

Каким духом воодушевлены создаваемые в эти годы социалистические партии? Чем они дышат? С каким идейным багажом они создают II Интернационал? Было бы большой ошибкой думать, что эти организации проникнуты тем духом, который мы находим в сочинениях Маркса, что эти организации имеют четкую перспективу пролетарской революции. Этот дух не воодушевлял даже все организации I Интернационала, созданного Марксом и Энгельсом. Создавая I Интернационал, Маркс и Энгельс привлекали к нему рабочие организации разных направлений, даже идущие за мелкобуржуазными политиками, дабы в их борьбе за очередные интересы рабочего класса организовать их в одну политическую силу, противопоставляющую себя буржуазии и осознающую в процессе классовой борьбы свои особые интересы. I Интернационал не мог быть поэтому организацией, созданной на почве четкой марксистской идеологии, хотя возглавляли его Маркс и Энгельс. В его ряды входили и оппортунистические рабочие организации, английские трэд-юнионы и анархические. Даже германские социалистические партии, считавшиеся наиболее марксистскими, были очень далеки от знания и понимания марксизма. С момента, когда сошел с исторической сцены I Интернационал, рабочее движение значительно выросло, расширилось. Возникла легальная и нелегальная социалистическая литература, в которой марксизм начал пробивать себе путь к широким пролетарским массам, но пока что до этих масс доходили марксистские идеи не целостно. Если пересмотреть социалистическую литературу этих дней, то уже тогда в ней почти отсутствует четкость мысли о революционном пути пролетариата, ее не оживляли идеи восстания и диктатуры пролетариата, а на первый план выступают совершенно примитивные мысли о необходимости организации рабочего класса, о необходимости борьбы с капитализмом за восьми-

часовой рабочий день, за свободу коалиции. Уже тогда жалуются Энгельс на приток к социалистическому движению буржуазной интеллигенции, которая приходит в рабочий лагерь из самых разнообразных мелкобуржуазных кругов, приходит подчас привлекаемая перспективой возникновения крупных рабочих партий, роста их парламентских представительств. Этот интеллигентский слой накладывает известный отпечаток на идеологию возникающего II Интернационала, и поэтому нет ничего удивительного в том, что весь I конгресс II Интернационала стоял под знаменем борьбы за реформы, что, читая протоколы парижского конгресса, не встретишь ни одной речи, в которой входящий в новый период своей истории пролетариат давал бы себе отчет о пройденном пути и намечал марксистски лежащую перед ним дорогу. Быть может, вожди II Интернационала, как Бебель, Вайан, в своих выступлениях считались с полулегальным положением своих партий и это накладывало отпечаток на их выступления, но не подлежит никакому сомнению, что большинство представителей социалистических партий, выступая почти по-реформистски,—а борьба за реформы, не связанная ясно со стремлением к социалистической революции есть реформизм,—не случайно так выступали.

Было бы ошибочным думать, что представители оппортунистического течения уже при основании II Интернационала имели четкую перспективу сотрудничества с буржуазией, ограничения борьбы пролетариата борьбой за реформы. Этого, за исключением единичных случаев, не было, но четкая революционная перспектива борьбы пролетариата за свою диктатуру была им сплошь и рядом чужда. Поэтому неверно утверждение, что «общая линия II Интернационала в этот период была правильной, несмотря на отдельные мелкие ошибки и зародыши крупных ошибок».

Тов. Г. Зайдель, подобным образом отвечающий на вопрос о характеристике II Интернационала при его возникновении, должен страницей дальше признать, что «по вопросу о завоевании власти II Интернационал в этот период высказался

довольно двусмысленно: мы нигде не находим подчеркивания необходимости насильственного свержения капитализма» (Г. Зайдель. «Очерки по истории II Интернационала», «Прибой» 1930 г., стр. 20 и 21).

Интернационал, не учащий рабочие массы необходимости насильственного низвержения капитализма, не может иметь правильной установки, ибо правильная установка революционной организации пролетариата состоит именно во внушении рабочим массам необходимости низвержения капиталистического строя.

Но если поставить вопрос, возник ли II Интернационал как определенная реформистская организация, то надо учесть тот факт, что рабочие массы, ставшие под знамена молодого II Интернационала, были настроены революционно, что эти рабочие своими действиями попытались сделать из II Интернационала орудие революционной борьбы. Это нашло наиболее яркое выражение в судьбах решения парижского конгресса о первомайской демонстрации. Это решение не стоит в центре внимания конгресса. Первомайская демонстрация была принята очень нерешительно, она не предусматривала обязательных форм участия в ней партии, но 1 мая 1890 г. сразу показало, что если большинство вождей II Интернационала думало только о демонстрациях за реформы, то рабочие массы вылили в этих демонстрациях страстное стремление к международному объединению, к борьбе с капитализмом, что они сделали из скромной демонстрации за восьмичасовой рабочий день первое громадное выступление пролетариата на улицах всех европейских столиц, на которых в продолжение десятилетий пролетариат как класс не появлялся. И это страстное стремление рабочих масс к международной организации, к выявлению своего классового лица, к массовой, а не только парламентской борьбе — вот то доказательство, что II Интернационал возник не как реформистская организация, хотя в его руководстве с первого момента возникновения очень сильны были реформистские тенденции, хотя в его руководстве отсутствовала точная марксистская перспектива развития

пролетарской революции, отсутствовало понимание необходимости нелегальной организации даже там, где пролетариату удалось выйти из подполья и завоевать кое-какие права на легальное существование. Оппортунистические тенденции, выявившиеся в руководстве II Интернационала в момент его возникновения, не представляли собой ни законченной системы мысли, ни законченной системы действия. Масса членов партий, входящих во II Интернационал, проявила в это время живые революционные стремления и действиями своими многократно исправляла ошибки вождей. Но тот простой факт, что три года спустя после основания II Интернационала Фольмар выступает со своей пропагандой «государственного социализма», что во Франции революционное тогда направление Геда и Лафарга борется с оппортунизмом, что в Англии Энгельсу приходится бороться с Гайдманом, фабианцами, — все это показывает, что нельзя думать, якобы только под конец деятельности II Интернационала в нем возникли оппортунистические тенденции. Оппортунистические тенденции были в нем с самого начала, но разрослись в стройную систему и задушили пролетарские тенденции только во второй период его развития.

II. ОТ РЕФОРМИЗМА К СОЦИАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМУ

Возникновение II Интернационала подытоживает сдвиги, накопившиеся в рабочем движении за минувшие пятнадцать лет, и совпадает с переломом в экономическом развитии капиталистического мира. После периода экономической депрессии наступают десятилетия экономического подъема, начинается период монополистического капитализма, начинает развиваться современный империализм. Это означает, что капитализм выходит из периода существования разрозненных частных предприятий, что развитие производительных сил ставит перед капиталистами такие задачи, которых он не в состоянии решить средствами частных предпри-

нимателей: возникают тресты, картели, и они накладывают отпечаток на все развитие капиталистического мира.

Для рабочих это означает исчезновение старой роли ремесла, скопление громадных масс на крупных заводах, невозможность борьбы при помощи местных разрозненных профессиональных союзов, означает необходимость концентрации сил сознательных рабочих. Во всем капиталистическом мире растет удельный вес рабочего класса, и он находит свое выражение в громадном росте голосов, отдаваемых за социалистические партии в странах, где пролетариат имеет выборные права, а там, где они их не имеют, в расширении борьбы рабочих за выборные права.

В Бельгии и Австрии в борьбе за всеобщее право голосования возникает идея всеобщей забастовки. Борьба бельгийских и австрийских рабочих находит отклик в рабочих массах других стран, в росте влияния революционных идей марксизма в широких пролетарских кругах. Это есть период широкого распространения основных работ Маркса, перевода их на все языки, издания в первый раз для широких масс целого ряда сочинений Маркса и Энгельса, до этого времени погребенных на страницах редких газет и журналов. Рабочий класс, усиленный развитием капитализма, вырвавшийся из подполья, пытается формировать отряды для своей революционной борьбы, впитывает в себя революционную идеологию.

Но одновременно с этим процессом мы видим, как новый исторический период выраживает в пролетарских рядах оппортунистические тенденции и толкает их на борьбу за руководство рабочим движением. Выборные победы социал-демократии, возникновение больших парламентских фракций и распространение массовой рабочей печати, возникновение профессиональных союзов—все это создает широкий слой рабочей бюрократии, которая должна защищать интересы рабочего класса с парламентской трибуны в переговорах с капиталистическими организациями перед лицом капиталистического мира. Эта рабочая бюрократия рекрутируется подчас из бывших

рабочих, преимущественно ремесленного происхождения (Бель был ремесленником, токарем; Ауэр был ремесленником; Анзеле был ремесленником; Грейлих, вождь швейцарских социалистов, был переплетчиком), подчас из буржуазной интеллигенции, не прошедшей никакой школы нелегальной революционной борьбы. Во Франции Жорес — профессор университета, Мильеран и Бриан — адвокаты; в Австрии Виктор Адлер — врач; новые вожаки в Германии, как: Эдвард Давид — гимназический учитель, Гейне — адвокат; в Англии Гайдман — богатый рантье; в Бельгии Вандервельде — адвокат из очень зажиточной семьи. Большинство этих представителей рабочего класса, видя мощный рост капитализма, приходят к убеждению, что марксистское предсказание грядущей пролетарской революции оказалось необоснованным, что предстоит очень длительный период мирного развития, на почве которого пролетариат может бороться за реформы, за расширение демократии, но что было бы полным авантюризмом поставить себе задачей завоевание власти революционными путями. Они спрашивают себя, нужен ли вообще этот «риск». Ведь если капитализм будет развиваться, то будет расти и количество рабочих, которые со временем станут большинством населения, и тогда дело идет о том, чтобы за социал-демократами пошло и большинство населения. Победа пролетариата поэтому состоит в завоевании демократии и завоевании на почве демократии большинства населения. Пролетариат может прибегать к революционным методам борьбы, к всеобщей забастовке только там, где ему отказывают в демократических правах или где буржуазия, испуганная его ростом, покушается на эти демократические права. Но и тогда он должен действовать с величайшей осторожностью, избегая, по возможности, всякого насилия, ибо развитие современной военной техники делает восстание безнадежным. Незачем прибегать к восстанию, если имеешь убеждение, что растущий удельный вес пролетариата раньше или позже найдет свое выражение и в области политики и заставит буржуазию идти на уступки. Лучше, чем ставить вопрос о восстании, о

революционной борьбе, искать союзников в рядах самой буржуазии, в которой переплетаются демократические и антидемократические тенденции. Блок с демократической буржуазией против реакционной — вот самый верный путь к победе. Она завершится не сразу, а через ряд этапов: пролетариат должен принимать пока что участие и в буржуазном правительстве.

Эта реформистская идеология, понятно, не развивалась везде сразу, но достаточно пересмотреть социалистическую литературу этого времени, даже работы вождей так называемого радикального крыла, чтобы увидеть, что Эдуарду Бернштейну и Мильерану пришлось только додумать до конца многие идеи, существовавшие в рядах, считающихся радикальными. Понятно, все эти идеи не продумывались до конца, не высказывались открыто, но они жили и в «левом» крыле социал-демократии и они объясняют, почему во время войны переход официального «марксизма» в лагерь социал-империализма совершился без серьезного отпора со стороны большинства политических и теоретических вожakov социал-демократических партий. Достаточно указать на такой факт, что Карл Каутский, считающийся теоретическим вождем левого крыла международной социал-демократии, продолжателем дела Маркса и Энгельса, уже в 1893 г. высказался в том духе, что никакой диктатуры пролетариата не надо. Когда Мering, недавно только вступивший в германскую социал-демократию, писал в 1893 г., что: «Перспектива якобы большинства буржуазного парламента, даже если бы оно состояло из сознательных рабочих, могла открыть путь к социалистическому обществу, является ножом, которому недостает и лезвия и рукоятки, что только тогда, когда масса потеряет веру в буржуазный парламентаризм, будет открыт путь в будущее», Каутский ответил ему письмом от 8 июля 1893 г., в котором говорил: «По-моему, мы страдаем в Германии не избытком, а недостатком парламентаризма, и задача пролетариата состоит в том, чтобы наверстать то, что упусти-